

Житие преподобный Антоний Оптинский

Краткое житие

Преподобный Антоний Оптинский, в миру Александр Иванович Путилов, был младшим братом преподобного Моисея Оптинского. Воспитываясь в благочестивой и глубоко верующей семье, он, как и старший брат его, тяготел с юности к духовной жизни.

Когда Александру было десять лет, два его старших брата ушли в Саровскую пустынь, после чего он также почувствовал призвание к монашеской жизни. В 1809 году, после смерти отца, Александр переехал в Москву и стал служить комиссионером у откупщика, а в свободное время посещал церкви и монастыри.

Во время Отечественной войны 1812 года он попал в плен к французам, бежал к родным в Ростов. Здесь он также служил комиссионером, но мыслями продолжал стремиться к монашеству. Посещал Ростовский Спасо-Иаковлевский монастырь, где помогал старцу Амфилохию (Яковлеву) в его послушании у раки святого Димитрия Ростовского.

В 1816 году Александр тайно оставил мир, удалившись в рославльские леса, где подвизался его старший брат Тимофей (впоследствии преподобный Моисей Оптинский), и 15 января 1816 года стал послушником. Александр ревностно исполнял различные послушания: был будильщиком братии, рубил дрова, трудился на огороде, ежедневно вместе с братом вычитывал всю церковную службу.

Из благоговения стоя переписывал полууставом творения святых отцов. В 1820 году, в праздник Сретения Господня, юноша был пострижен в монашество с именем Антоний в честь преподобного Антония Великого. Его восприемником при постриге и духовным отцом стал старший брат, преподобный Моисей, к которому всю жизнь Антоний сохранял послушание и почтительность.

В 1821 году преподобный Моисей был назначен настоятелем скита, созданного при [Оптиной пустыни](#), по благословению епископа Калужского Филарета (впоследствии митрополита Киевского). Антоний вместе с братом принимал участие в строительстве скита, и в 1822 году был определен в число его братии. Место было выбрано к востоку от монастыря в густом лесу. Очистив от леса участок, пустынноики построили небольшую

келию и соорудили церковь во имя святого Иоанна, Предтечи Господня, а затем стали строить и братские корпуса.

В 1825 году, после назначения преподобного Моисея настоятелем Оптиной пустыни, преподобный Антоний был определен начальником скита. В новоустроенный безмолвный скит с разных сторон стали стекаться мудрые в монашеской жизни и крепкие в духовных подвигах отцы.

В 1823 году преподобный Антоний был рукоположен во иеродиакона, а в 1827 году в иеромонаха.

В Оптиной пустыни в скитском братстве не было такого смиренного послушника, каким был молодой скитоначальник Антоний, который ни малейшего распоряжения не делал без благословения своего старца и брата — преподобного Моисея. В сохранившихся его помянниках мы читаем: «Помяни, Господи, господина моего, духовного отца и благодетеля, всечестнейшего игумена Моисея». Скитская братия состояла главным образом из почтенных старцев, и какой кротостью, и каким тактом надо было обладать молодому начальнику, чтобы не иметь ни с кем недоразумений. Ввиду малочисленности братства сам начальник

исполнял многие братские послушания. Часто доводилось ему оставаться без келейника, который исполнял обязанности то повара, то садовника, то хлебопека. «Как самый бедный бобыль, — писал старец Антоний в 1832 году одному родственнику, — живу в келье один: сам и за водой, сам и за дровами... Чином священства почтенных теперь у нас в скиту собралось пять человек, но все они престарелы и многонеможны, почему и тяготу служения за всех несусь один».

В скитской церкви было заведено непрерывное чтение Псалтири, отец Антоний читал часы наряду с братией, а также в то время, когда вся братия отдыхала. Преподобный Антоний и преподобный Моисей всемерно содействовали развитию в Оптиной пустыни старчества.

В 1836 году у отца Антония от утомительных трудов открылась тяжелая болезнь ног, которая причиняла ему жестокие страдания до самой кончины. Ноги его до колен были покрыты ранами и порой сильно истекали кровью. Сокровенным монашеским подвигом преподобного Антония было несение через всю жизнь этого креста тяжелого, продолжительного недуга.

Многие, видя всегда светлое его лицо и слыша его оживленную беседу, не понимали, какой страдалец находится перед ними. Как великий любитель безмолвия преподобный Антоний желал уединенной жизни, проводимой в молитвенных трудах, чтении и богомыслии. Но его духовные дарования привлекали к нему множество посетителей, желающих принять благословение и духовное назидание. Были основательные причины утверждать, что преподобный Антоний имел великое дерзновение в молитве к Богу, и сподоблялся духовных видений и других благодатных посещений.

Преподобный Антоний пробыл начальником скита четырнадцать лет, когда в 1839 году, епископ Калужский Николай назначил его настоятелем Малоярославецкого Николаевского монастыря. Отцу Антонию было крайне тяжело расставаться с созданным его трудами уединенным Оптиным скитом, где его окружала всеобщая любовь, со своим братом, который был его старцем. Начальствование в чуждых ему условиях жизни являлось для него тягчайшим и величайшим крестом.

«Однажды, — пишет он, — сильно „уны во мне дух мой“, и, воздремавшись, вижу в тонком сне лик отцов, и один из них, якобы первосвятитель,

благословляя меня, сказал: „Ведь ты был в раю, знаешь его, а теперь трудись, молись и не ленись!“ И вдруг, проснувшись, ощущаю в себе некое успокоение. Господи! Даруй мне конец благий!»

Преподобный Антоний управлял монастырем, зачастую оставаясь прикованным к постели, однако был вынужден сам ездить в Москву на сбор пожертвований в пользу обители. Стараниями отца Антония был освящен Преображенский придельный храм, закончен и освящен Никольский храм монастыря. В 1845 году за труды на благо обители преподобный Антоний был награжден золотым наперсным крестом. Он пользовался любовью и уважением святителя Филарета (Дроздова), митрополита Московского, который часто приглашал его к сослужению.

Отец Антоний неоднократно просил уволить его на покой, но лишь в 1853 году, по ходатайству святителя Филарета, эта просьба была выполнена, и преподобный Антоний вернулся в скит Оптиной пустыни, где прожил еще двенадцать лет.

В течение этого времени он жил в Оптиной пустыни как лицо, находящееся на покое, и не вмешивался во внутренние дела монастыря

и скита и даже избегал давать советы. Только утешал в скорбях приходивших к нему.

Несмотря на ухудшение здоровья, преподобный Антоний посещал все церковные службы и неукоснительно совершал келейное правило, посвящая свободное время чтению творений святых отцов. Был неустанным молитвенником и строгим постником. Невзирая на любовь к уединению, старец никогда не отказывал приходящим к нему за духовной помощью и советом, однако на исповедь принимал в исключительных случаях, число его постоянных духовных детей было ограничено. Как духовник, преподобный Антоний, был снисходителен к человеческим немощам; успокаивая, а не обличая людей, он незаметно приводил их к искреннему покаянию. Он обладал необыкновенным красноречием — случалось, что в течение одной беседы со старцем человек духовно перерождался.

От духовных детей преподобный Антоний получал много писем, на которые всегда отвечал сам, несмотря на болезнь. После кончины удалось собрать и издать сборник его писем к этим лицам. «Письма эти, — говорит его жизнеописатель, — отличались тем же естественным красноречием и сладкоречием,

тою же назидательностью и своеобразной выразительностью и силою. Слог его совершенно особенный, свойственный одному старцу Антонию. В них ясно отпечатались все высокие душевные свойства любвеобильного старца. Читая их, как будто слышишь самую его беседу». Преподобный Антоний обладал даром прозорливости и часто, не ожидая получения писем, писал утешения и наставления.

Кончина преподобного Моисея в 1862 году стала для отца Антония тяжелой потерей. Сорок дней он провел в затворе, читая Псалтирь по новопреставленному, затем прожил год в уединении и непрестанной молитве.

В 1863 году преподобный Антоний совершил паломничество к мощам святого Тихона Задонского и святого Митрофана Воронежского. 9 марта 1865 года, когда старцу исполнилось ровно 70 лет, после трехлетнего самоиспытания, он принял великую схиму с оставлением прежнего имени. По болезни старца пострижение было совершено келейно настоятелем обители, преподобным Исаакием I. После пострижения преподобный Антоний перестал принимать мирских лиц, братию скита принимал изредка, погружившись в непрестанную молитву.

Старец был особорован за 17 дней до кончины, когда телесные силы еще не совсем оставили его. Приобщался же Святых Таин в последнее время ежедневно и пребывал в непрестанной молитве. В августе 1865 года наступил последний день жизни многострадального преподобного Антония. Вечером, во время всеобщего бдения, умирающий вдруг потребовал, чтобы к нему пригласили настоятеля. Как истинный послушник, он и в последний путь не хотел отправляться без настоятельского благословения. Исполняя беспрекословно волю умирающего, настоятель преподобный Исаакий благословил его и простился с ним уже навеки.

Погребен преподобный Антоний в Казанском соборе монастыря рядом с преподобным Моисеем. В 1996 году причислен к лику местночтимых святых в Соборе Оптинских старцев. Прославлен Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 2000 года для общецерковного почитания. Покоится в Казанском соборе Оптиной Пустыни рядом с любимым братом и духовным отцом, преподобным Моисеем.

Полное житие преподобного Антония старца оптинского

[Жизнь в миру](#)

[Выбор пути](#)

[Пустынная жизнь](#)

[Предтеченский скит](#)

[Во главе Малоярославецкого монастыря](#)

[Возвращение в родную обитель](#)

[Молитвенник и утешитель](#)

[Кончина праведника](#)

Преподобный Антоний, младший брат старца Моисея, — его верный ученик, помощник по устройению Предтеченского скита, сомолитвенник. Начав совершать свой подвижнический путь, можно сказать, по стопам брата – придя в пустынь в Рославльских лесах, где тот давно уже подвизался, и приняв там постриг, он позже переселился вместе с братом в Оптину Пустынь, где под его руководством возрастал духовно, явив образец послушания и смирения. Свое положение младшего брата он нес как дар, с радостью принимая наставления брата, старшего и по

возрасту и по монашескому опыту. Но тем временем, незаметно и прикровенно, сам стал великим молитвенником, Господь за смирение раскрыл в его душе многие духовные дарования.

Жизнь в миру

О семье Путиловых уже было рассказано в житии старца Моисея. Об этом замечательном семействе мы знаем в основном из записок отца Антония, в которых он подробно повествует о своем детстве в родном доме. Родился Александр Путилов 9/22 марта 1795 года, в день памяти 40 мучеников Севастийских, в городе Романове Ярославской губернии. Он был слабым и болезненным ребенком, матери стоило больших трудов выходить его. Младший из шестерых детей Ивана Григорьевича Путилова, он, как и все дети, воспитывался в строгости, с ранних лет посещал богослужения, пел с отцом на клиросе. В записках отца Антония поражает, с какой точностью воспроизводит он детские впечатления.

Он описывает, каким уважением пользовалась семья Путиловых, в доме царил мир, между родителями никогда не возникало споров, тем более ссор, они жили душа в душу. Отмечая в воспоминаниях полное согласие между отцом и матерью, отец Антоний пишет: «Того не знаю,

кто был участником в сватовстве, но одно твердо знаю, что Бог сочетает человек». С любовью рассказывает он о своей матери — кроткая, терпеливая, она была молитвенницей за семью и детей, почти каждый день посещала церковь, часто, проснувшись ночью, дети видели маму склонившейся в молитве перед иконами. Детей она воспитывала строго, не потакающая капризам. «Однажды стали ее хвалить за воспитание детей, вежливость которых и скромность нравились многим, а матушка на это в ответ сказала: "Слава Богу, дети у меня хороши, но, к сожалению, до хороших далече еще не дошли"», — вспоминал отец Антоний.

В благочестивой семье Путиловых Александр выделялся любовью к храму, богослужению, он вспоминал: «Я в то время имел необыкновенно тонкий слух, так что каждую ночь просыпался при первом ударе в колокол к утрени, и будил к оной родителей и братьев своих, говоря: "Дон-дон! Ангелы поют, вставайте молиться!" — что продолжалось несколько месяцев. Но когда увидел, что некоторые братья стали сердиться на меня за сие и не стали вставать, то и я, смотря на них, стал пренебрегать и подобно им погружаться в сон и спать без просыпа во всю ночь». Он очень любил бывать в церкви, священник, заметив его усердие к службе,

пускал мальчика в алтарь, всегда давал ему просфору или антидор. Александр привыкал к строю богослужения, даже в играх он любил изображать батюшку: «...когда я дома у себя играл с детьми, сверстниками мне, то наряжался попом, т. е. вместо епитрахили надевал на шею полотенце, а на плечи платок в роспуск — вместо ризы; а вместо кадила брал мячик и привязывал к нему шнурок и кадил всех. А когда давали мне пряничек или яблочко, то я разрезывал оные на мелкие кусочки и, положив на тарелочку, раздавал вместо антидора и благословлял рукою...» На вопрос отца, кем он хочет быть, маленький Александр ответил, что священником.

Выбор пути

Тем временем старшие братья отправились в Москву на заработки, а через некоторое время тайно от отца ушли в Саровскую пустынь, намереваясь посвятить свою жизнь Богу в монашестве. Александр переписывался с ними, от них узнавал о духовной литературе — как только он научился читать, это стало его любимым занятием, — советовался с братьями. С отроческих лет он стал задумываться о преимуществах монашеской жизни. Вот выдержка из его письма братьям: «Мне очень

показалась одна из присланных вами книг, и я одного примера хочу держаться по этой книге, то есть: "презирать мир и идти к Небесному Царствию есть высочайшая премудрость; в безмолвии и тишине много успеваает душа благоговейная, и разумеет тайны Писания. Итак, кто удаляется мира, к тому приходит Бог со святыми Своими ангелами"».

Но отец, как уже рассказывалось в житии старца Моисея, был категорически против ухода детей в монастырь. Когда старший сын Тимофей приехал из Сарова и признался, что уже год как подвизается в пустыни и хочет принять монашество, это известие поразило отца как гром среди ясного неба. Ему пришлось смириться с происшедшим, но он был очень рассержен. Поэтому Александр боялся признаться отцу в своем намерении. Когда Иван Григорьевич в 1809 году серьезно заболел, мать, которая никакие семейные дела не решала без совета с супругом, обратилась к нему с вопросом: «Куда Александра благословляешь?» Он ответил кратко: «Богу». Она, зная желание сына, переспросила: «В какой должности ему велишь жить? С братьями?» Иван Григорьевич отвечал: «Бога чтоб боялся». Вскоре он скончался. «Я был тем крайне доволен, — писал отец Антоний, — что родитель мой вручил меня

Богу, а не другому кому... Я понимаю его последнее изречение ко мне в таком смысле: что где ни жить, только всегда надобно Бога бояться. Вот его последнее завещание ко мне».

В записках сохранилось интереснейшее описание пребывания Александра в плену во время нашествия французов. В 1812 году он с братом Кириллом по делам оказался в Москве. Когда французы вошли в город, Александр отстал от бежавших родственников, был взят в плен, вспоминал потом, что эти дни провел как «в некоем аду». Пленных заставляли таскать награбленное, били, всячески унижали. Наконец ему удалось бежать и он добрался до родственников в Ростове, где и остался жить.

В Ростове, среди повседневных дел и забот, Александр продолжал переписываться с братьями, его тайное желание покинуть мир укреплялось всё больше. Он часто посещал Спасо-Яковлевский монастырь, молился у мощей святителей Димитрия и Иакова Ростовских. Но решиться на последний шаг было непросто, одолевали сомнения, готов ли он выдержать непривычный образ жизни. Наконец, Александр собрался осуществить свое намерение. Тайно от родных отправился он сначала в Москву, где оформил необходимые документы, а затем к

брату Тимофею в Рославльские леса. Разрыв с миром всегда болезнен: «...и мне нелегко было расстаться навсегда с благочестивою и многолюбящею меня родительницею моею; потом расстаться со всеми братцами и со всеми сестрицами, со всеми родными, со всеми ближними, со всеми друзьями, со всеми приманками и пристрастиями своими, и идти в такое место, которого никогда не видывал я, и принять на себя такой образ жизни, который казался мне невыносимым», — вспоминал потом отец Антоний. Брат, сообщая в письме, как добраться до пустыни, подбадривал его: «Дай Боже тебе все совершить благополучно. Собирайся, братец (паки повторяю), в достохвальный путь Христов не косня и не бойся ничего. Бог будет с тобою и все твои надобности к устройению твоей жизни исправит, — верь этому без сомнения».

Александр нанял проводника, который довез его до ближайшей к пустыни деревни, а дальше поехал один. Как повествует первое жизнеописание старца: «Помолившись Богу, он отпустил вожжи, лошадь пошла сама и... подвезла его прямо к бревенчатой избушке, скрытой в зарослях. Это была келлия старца Афанасия, у которого в послушании и жил Тимофей. Все кругом было покрыто снегом...»

Так в 1816 году Александр Иванович Путилов положил начало иноческим подвигам.

Пустынная жизнь

Духовным руководителем его стал брат Тимофей, тогда уже отец Моисей, которому он предался — на всю жизнь — в полное послушание. Впоследствии отец Антоний писал: «Когда возгорелся огонь Божественной любви в моем сердце, тогда все суеты мирские омерзели и богатство опостылело, и так, как птица из сети, или яко елень, томимый жаждою, удалился я из Ростова, бегая, и водворился в непроходимой пустыне, с чаянием себе от Господа спасения от малодушия, и от обуревания многих грехов. Себя самого отдал я в полное и безвозвратное распоряжение батюшке отцу Моисею, о чем, благодарение Господу Богу, после ни разу не скорбел».

Но привыкнуть к новой жизни было не так легко. Александр пришел к пустынникам в очень молодом возрасте, ему было чуть больше двадцати лет. Отец Моисей воспитывал нового послушника строго, безо всяких послаблений, поручая самые тяжелые работы: Александр носил из лесу и рубил дрова, занимался огородом, готовил пищу. Хотя он был рослый и сильный, но с непривычки, при скудном

питании, новая жизнь давалась непросто. Позже он вспоминал: «Я имел характер самый пренесносный, и старец мой чего-чего не употреблял, чтобы смирить мою жестоковыйность. Но ничто так не смирило моего окаянства, как ежегодное по несколько раз, в течение шести лет, очищение отхожих мест. А в дополнение к сему нередко посылаем был по проезжим дорогам собирать для удобрения огородов конский и скотский помет». За любую провинность его ставили «на поклоны». Сначала ему было тяжело, а потом привык и вспоминал позже, что даже «скучал», если подолгу не получал епитимью в виде поклонов.

Не всегда Александру удавалось примириться с суровым обращением брата. «Проходя эти послушания, вспомнил я однажды прежнее свое житье и поколебался мой помысл. „Сверстники мои,— подумал я,— считают капиталы, а я вот чем должен заниматься!“ Но скоро зазрел себя, стал скорбеть, что осмелился мысленно пороптать на своего старца; с стыдом исповедал ему свой помысл, и по приличном наставлении получив прощение, принял оное как от самого Господа, и с великою радостью продолжал понуждать себя в терпении переносить труды пустынной жизни... Так-то, без смирения в духе спастись невозможно!» Внутренняя борьба,

самопонуждение, молитва постепенно обрабатывали душу послушника, очищая ее от грехов, раскрывая для действия благодати.

Давались ему и утешения. Как-то темной осенней ночью Александра отправили на реку проверить сети. Идти надо было далеко, по холоду и дождю, через глухую лесную чащу. Страх и смущение охватили молодого человека, но с молитвой на устах, за послушание, дошел он до реки, рыбы, конечно, не оказалось, но на обратном пути его охватило удивительное состояние — необыкновенной радости, легкости. Неожиданно все вокруг посветлело как днем, но продолжалось это недолго, через некоторое время вновь его окружила тьма осенней ночи, но радость и воодушевление в сердце остались, он не мог забыть этих минут. Подобное состояние посетило Александра еще раз — после Пасхальной заутрени он пошел прогуляться в лесу один и вдруг почувствовал небывалый духовный восторг и сладостное утешение в сердце. Эти благодатные посещения вознаграждали сторицей нелегкие труды молодого послушника.

Послушник Александр начал постигать науку монашества сразу с самой суровой его формы — пустынного жития. Его наставник, отец Моисей,

перед поселением в Рославльских лесах жил в больших монастырях — в Сарове, затем в Свенском монастыре. Но Александр проявил готовность к испытаниям и искушениям подвижнической жизни. «Отец Антоний с особенной отрадой любил вспоминать о Рославльском пустынножительстве, и при этих воспоминаниях лицо его как-то особенно сияло и воодушевлялось», — свидетельствовал близко знавший старца насельник Оптиной Пустыни отец Климент (Зедергольм).

Когда же в 1821 году от Владыки Калужского Филарета последовало приглашение рославльским пустынникам переселиться в Оптину Пустынь, отец Антоний — к тому времени он был уже пострижен в монашество — был укрепленным в иноческих подвигах воином Христовым, положившим начало главным монашеским добродетелям: смирению, послушанию, внутренней молитве. Он станет главным помощником брата в нелегких трудах по устройству скита при Оптиной Пустыни.

Предтеченский скит

Братья Путиловы и пришедшие с ними иноки начали постройку скита и вскоре среди лесной чащи появились несколько келий и деревянный храм во имя Иоанна Предтечи.

Постепенно налаживалась скитская жизнь. Скитона начальником был отец Моисей. Отец Антоний трудился на разных послушаниях, по-прежнему пребывая в полном подчинении у брата. 24 августа 1823 года отец Антоний был посвящен Владыкой во иеродиакона.

В 1825 году отец Моисей принял в свое управление обитель, а отца Антония владыка Филарет утвердил скитона начальником, на место брата. Во иеромонаха он был рукоположен в 1827 году. Теперь все его заботы были о благоустройстве скита – как внешнем, так и внутреннем, братство скита росло, вместе с тем прибавлялось и забот. Отец Антоний стал скитона начальником в тридцатилетнем возрасте, в его подчинении оказались многие иноки, старше его возрастом и занимающие более высокие ступени в монашестве. Но он, несмотря на молодые годы, благодаря своей мудрости и смирению умел обходиться со всеми так, чтобы никого не задеть. Кроме того, сам он являл такой убедительный пример послушания, во всем повинуюсь настоятелю, что в его «руководстве» никто не мог увидеть какого-то самочиния и стремления начальствовать. Отец Антоний по-настоящему очень тяготился новой должностью: «Сколько я ни глуп, однако собственным искусом отчасти узнал, что из всех чинов иноческих нет

тягостнее, нет бедственнее и горестнее, как быть начальником над братиею!» В одном из писем он так говорит о «преимуществах» чинов и званий: «Я не могу довольно надивиться безумию тех, кто всяким образом, даже и предосудительным, проискивают себе чинов и высоких престолов; в том ли наше утешение, когда во храмах возглашают и всечестного Отца нашего? или в том, когда колена пред нами преклоняют и лобызают десницу? Или в том еще, если саженой за двадцать и более, не доходя до нас, благоговейно поклоняются? Но какой же для меня интерес, если поклоняются мне в ноги и вставши осыплют меня многою укоризною...»

В начале 1830-х годов братии в Скиту было еще недостаточно. Отец Антоний нес множество послушаний. У него был келейник, который одновременно был также садовником, поваром и хлебопеком, так что скитоначальник сам обслуживал себя. «Как самый бедный бобыль, живу в келье один, — писал он, — сам и по воду, сам и по дрова». Он же сам в основном совершал и богослужения. Благодаря его любви к церковной службе, уставу, богослужения в скитской церкви отличались особым благоговением. Предоставим слово современнику, бывавшему в Предтеченском скиту, когда начальником там был отец

Антоний: «Величественный порядок и отражение какой-то неземной красоты во всей скитской обители, часто привлекали детское мое сердце к духовному наслаждению, о котором вспоминаю и теперь с благоговением, и считаю это время лучшим временем моей жизни. Простота и смирение в братиях, везде строгий порядок и чистота, изобилие самых разнообразных цветов и благоухание их, и вообще какое-то чувство присутствия благодати невольно заставляло забывать все, что есть вне обители этой. В церкви скитской мне случалось бывать преимущественно во время обедни. Здесь уже при самом вступлении, бывало, чувствуешь себя вне мира и превратностей его. С каким умиленным благоговением совершалось священнослужение! И это благоговение отражалось на всех предстоящих до такой степени, что слышался каждый шелест, каждое движение в церкви. Клиросное пение, в котором часто участвовал сам начальник скита отец Антоний, было тихое, стройное и вместе с тем величественное и правильное, подобного которому после того я нигде уже не слышал... В пении скитском слышались кротость, смирение, страх Божий и благоговение молитвенное... Что ж сказать о тех вождеденнейших днях, когда священнодействие совершалось самим начальником скита отцом Антонием? В каждом

его движении, в каждом слове и возгласе видны были девственность, кротость, благоговение и вместе с тем святое чувство величия. Подобного священнослужения после того я нигде не встречал, хотя бывал во многих обителях и церквах».

Автору этих воспоминаний вторит и другой современник отца Антония, игумен Антоний (Бочков): «Превосходный чтец и певец, один из лучших уставщиков всего монашества; он был первым украшением Оптинской, особенно скитской церкви, которая стала для него любимым, единственным местом духовной отрады, его первою мыслию, его жизнью. Он соблюдал в ней порядок, ее священный чин, возлюбил ее красоту, чистоту; готов был устами отвеать малейшую пылинку, замеченную им на лице возлюбленного его малого храма, восходившего при нем постепенно в свое благолепие, и срубленного в начале его секирою. Служение девственного старца было истинным богослужением. Весь отдаваясь Духу Утешителю с первого воздеяния рук, он до исхода из храма не принадлежал себе, а кажется, перерождался и соединялся с херувимами, которых изображал втайне пламенным и стройным служением своим. Исходя из церкви для келейной тихой жизни, он становился опять первым рабом

старшего брата, безмолвником по любви и по благословению отца».

Последние слова подтверждаются многими фактами, а также записями самого отца Антония, среди них сохранилось наставление отца Моисея, свидетельствующее о том, как старший брат пекся о духовном совершенствовании младшего: «велел [отец Моисей] написать на сердце ко всегдашнему памятованию и деланию следующие 8 пунктов: 1) отвержение своего разума и воли иметь; 2) при встрече с каждым лицом поставлять себя худшим, в каком бы то месте ни было; 3) память смерти вкоренять в сердце глубже; 4) самоукорение; 5) смиренную молитву всегда иметь; 6) укоризну, аще случится от кого, принимать как врачевство душевное, с радостью; 7) что сказано будет, в точности выполнять; 8) аще случится от забвения, или от обычая в чем-либо паки погрешить, исповедывать то чистосердечно, как есть, без лукавства». Давал советы отец Моисей и относительно управления братией: «Вечером батюшке объяснял, что недостатки братния невольным образом сердцу приносят огорчение. И на это услышал от него: я всех вас недостатки сношу великодушно, и никаким немощам вашим не удивляюсь; а ежели бы всем тем

огорчаться и взыскивать по должности моей строго, то совсем бы себя давно расстроил».

В бытность отца Антония начальником скита его насельниками стали будущие знаменитые старцы Леонид и Макарий. И игумен Моисей, и отец Антоний, сами обладавшие немалыми духовными дарами, внутреннее руководство обителью и скитом передали старцам.

Настоятель и скитоначальник поддерживали и укрепляли старчество в Оптиной Пустыни, несмотря на противодействие начальства в лице Владыки Николая, а также некоторых братьев, недовольных этим «нововведением», о чем уже рассказывалось в житии старца Моисея. Отец Антоний также немало претерпел от притеснений начальства.

А вот как скромно оценивал он сам результаты своей деятельности по устройению скита: «Наша скитская убогая обитель год от года богатеет жильцами. Братия умножается, а безмолвие, единомыслие и душевное спокойствие умалется; но еще, слава Богу, хранение совести продолжается, которое необходимо нужно для духовной жизни».

Во главе Малоярославецкого монастыря

В конце лета 1839 года Владыка Николай при объезде епархии посетил Оптину Пустынь. Побывал он и в скиту. В этот его приезд и произошло событие, резко изменившее жизнь отца Антония, заставившее его покинуть любимую обитель: «Осматривая скит, Владыка вошел в церковь, вошел и в небольшой ее алтарь; пригласил войти туда же отца Антония и сказал ему: "Положи руку на престол". Отец Антоний положил. "Клянись мне, — продолжал Владыка, что ты не будешь отказываться, если Святейший Синод, по моему представлению, назначит тебя настоятелем в Малоярославецкий монастырь". Отец Антоний, пораженный внезапным требованием Владыки, повиновался ему беспрекословно. По отъезде последнего рассказал бывшее своему старцу и брату отцу Моисею, и с тех пор все время горевал и плакал до самого своего назначения, последовавшего в конце ноября того же года». Еще за три года до этого отец Антоний сильно повредил ногу и у него началась серьезная болезнь, сказались и большие нагрузки. Во время обострения болезни он подолгу не мог встать на ноги. Для немощного инока, больше всего стремившегося к молитве и уединению, новое назначение, означавшее расставание с Оптиной и любимым

братом, духовным руководителем, было невыносимо тяжело. В это время ему во сне явился некий святитель, благословивший на новый подвиг, отец Антоний рассказал о своем сне старцу Леониду, и тот сказал, что явившийся епископ – никто иной как святитель Митрофан Воронежский, который, по словам старца Леонида, «много заботился» об отце Антонии, был его покровителем. Отец Антоний после этого съездил в Воронеж к мощам святителя и стал особо его почитать.

Отец Антоний прибыл на новое место в престольный праздник Малоярославецкого монастыря – день святителя Николая Чудотворца, 6/19 декабря 1839 года. Старцы Оптиные всячески поддерживали своего собрата и укрепляли для нового служения. «Промысл Божий, – писал старец Макарий из Оптиной отцу Антонию 21 декабря 1839 года, – поставил вас на свещнице светить в той стране, которая нуждается в оном; и да насытятся гладныя души от обилия ваших духовных дарований. Простите, любезнейший отче, – не лезть сии слова, но истинное чувство сердец наших». Игумен Моисей, видя недостаток в Малоярославецком монастыре братьев и для богослужения, и для других послушаний прислал брату около десяти иноков из Оптиной. Это была

существенная помощь. Отец Антоний начал входить в дела, первой заботой стало устройство главного собора обители – Никольского.

Отец Антоний продолжал часто болеть. С юмором, но и с горечью писал он тогда: «Видал я коней сильных и здоровых, которые самый тяжелый воз везут легко и борзо; но я много похож на ту увечную клячу, которая и порожние дровни по гладкой дороге едва тащит, задыхаясь». В Малоярославецком монастыре у него появилось много духовных чад, которых он окормлял до своей кончины. Сохранившаяся переписка с ними свидетельствует о глубокой духовной мудрости подвижника. Письма старца, как имеющие большую духовную пользу, были изданы еще при его жизни. Отец Антоний обладал замечательным слогом — живым, пронизанным любовью, юмором, его письма и воспоминания свидетельствуют о глубоком знакомстве со святоотеческими трудами — он постоянно приводит поучения отцов Церкви и подвижников, редко давая советы от своего имени.

Настоятельские труды отца Антония были отмечены наградой — золотым наперсным крестом. Впоследствии Преосвященный хотел представить в Синод прошение о возведении

игумена Антония в сан архимандрита, но тот убедил архипастыря не делать этого, он писал так: «Вот если бы архимандритство защищало от тления, или смерти, или суда, тогда стоило бы желать онаго!» Но все время управления Малоярославецким монастырем он продолжал скучать по Оптиной...

В 1843 году, в день Бородинской битвы, совершено было освящение главного Николаевского собора обители. «Слава Богу, – писал отец Антоний, – великолепно и торжественно освящен августа 26-го самим Преосвященнейшим Николаем соборне». К 1849 году отец Антоний завершил внешнее устройство Малоярославецкого монастыря, но лишь через несколько лет ему удастся отпроситься на покой в Оптину.

Возвращение в родную обитель

В памятной книжке отца Антония записано: «9 февраля 1853 года, аз, недостойный игумен Антоний, сдал начальство свое в Малоярославецком Николаевском Черноостровском монастыре новому настоятелю отцу игумену Никодиму и, принеся во святом храме благодарственное молебствие ко Господу Богу о всех благодеяниях Его, на мне бывших, и о благополучном 13-летнем пребывании своем в

оном и испрося у всей братии прощение, выехал из обители в час пополудни; а 12-го числа прибыл в богоспасаемую Оптину Пустынь, где отечески был принят. Господи, благослови сие вхождение мое во святую обитель сию, и даруй мне во оной конец благий, за молитвы святаго отца моего!» Возвращению старца способствовал Владыка Филарет Московский, искренно любивший и почитавший обоих братьев Путиловых, всегда с любовью принимавший их у себя, если они оказывались по делам в Москве.

Для отца Антония возвращение в родную обитель было большой радостью, он писал своему давнему духовному другу – архимандриту Геннадию, настоятелю Пафнутьев-Боровского монастыря:

«Справедливо замечание ваше, батюшка, о моем теперешнем блаженном житье-бытье, ибо никакие прежние заботы ни о рапортах, ни о братии, ни о том, что ямы и что пием, не тяготят моей бедной души, и я как будто бы переродился! Душа моя находится в отрадном и мирном состоянии». Теперь он жил в Оптиной, на покое, рядом с дорогим братом, часто бывал в Предтеченском скиту, своем детище.

В августе 1856 года приехал в Оптину Пустынь настоятель Саровской пустыни игумен Исаия,

родной брат отцов Моисея и Антония. О. Антоний виделся с ним в Москве лет пятнадцать тому назад, а о. Моисей тридцать восемь лет не видел брата, с которым некогда начинал в Сарове монашескую жизнь. 26 августа, в день коронации Государя Императора Александра II, три брата-монаха служили вместе литургию и молебен.

Молитвенник и утешитель

Наконец сбылось давнее внутреннее стремление отца Антония к молитвенной жизни, свободной от бремени начальствования и связанных с ним забот. В это время уже открылись многие его дарования — прозорливости, исцеления, духовной рассудительности. Но он свое служение нес прикровенно, никогда не стремился сам давать советы, только если к нему обращались. По воспоминаниям, он обладал еще и даром утешения, очень жалел человека, если видел, что он находится в скорби, и обязательно старался поддержать. Вот как вспоминает о нем отец Климент (Зедергольм): «Он не отчаивался ни в чьем исправлении, и умел воздвигать людей нерадивых и малодушных, и как бы кто ни упал духом, всегда успевал беседами своими вдохнуть благонадежие. В советах же и наставлениях своих был крайне осторожен и

указывал на слова святого Исаака Сирина, что надо с людьми обходиться как с больными и успокаивать их наиболее, а не обличать, ибо это больше их расстраивает, нежели приносит им пользы... Незаметно и нечувствительно привлекал отец Антоний всех к сознанию душевных своих немощей... Никогда он не старался насильно убедить кого-нибудь, — назидания свои предлагал не в виде заповеди, а более намеком или в виде дружелюбного совета. А если кто сделает возражение, то старец сейчас и замолчит».

В ответ старец пользовался общей любовью — и насельников обители, и посетителей, как свидетельствует его жизнеописание: «Отца Антония в Оптиной все любили, без исключения. Это, вероятно, потому, что он оказывал внимание каждому — от самого юного послушника до старшей братии. Он помнил День Ангела каждого из насельников обители, при встрече поздравлял его и призывал к себе, а в келлии делал небольшой ему подарок — книжку, иконку, чаю, сахару... К нему многие приходили с жалобами на какие-то неприятные для них обстоятельства, иногда связанные с настоятелем, с монастырской жизнью, он выслушивал и утешал таковых, и никогда не передавал ничего из сказанного ни настоятелю,

ни кому бы то ни было. Это все знали и ценили. Отец Антоний оставлял все на Божью волю... Говорили, что даже один его вид вселял в души мир и успокоение».

Хотя отец Антоний всех направлял к старцам, многие обращались за советом и к нему, зная о его духовных дарованиях. Он мог разрешить проблемы и недоумения человека еще до того, как тот успеет изложить ему свои скорби. Один частый посетитель Оптиной рассказывал, что как-то впал в большое уныние — и вдруг получает письмо от старца Антония, где тот утешает его и советует почитать житие одного святого. Когда же он нашел это житие, обстоятельства, описанные там, в точности совпадали с теми, из-за которых он не находил себе места, что утешило и поддержало его, а вскоре и ситуация благополучно разрешилась. Был у старца Антония и дар видеть душу человека, скрытые грехи, который тот сам не осознавал или боялся признать.

Несмотря на тяжелую болезнь ног — они постоянно были покрыты глубокими язвами — подвижник не пропускал богослужений, выстаивая их от начала до конца, а потом еще принимал посетителей. Причем никто из них не мог догадаться, какие страдания переживает

отец Антоний, поскольку он всегда имел жизнерадостный вид. Одна из его духовных чад вспоминала, что, прощаясь с ее семейством, батюшка, несмотря на боли в ногах, всегда выходил их проводить, всех одарит — кого книжкой, кого иконой, — каждому обязательно скажет ласковое слово, подбодрит. Старец еще и шутил по поводу своих болезней. Иван Васильевич Киреевский как-то сказал ему: «Вот, батюшка, на вас сбывается слово Писания, что „многи скорби праведным“: какой тяжкий крест возложил на вас Господь!» — «То-то и есть, — возразил старец, — что праведным скорби, а у меня-то все раны, как и святой пророк Давид говорит: „Многи раны грешному“».

Отец Антоний продолжал много читать, постоянно пополнял библиотеку обители — его духовные чада, зная о любви старца к книге, присылали ему интересные издания. Старца интересовали самые разные области знания, во всем он видел проявление могущества Творца. Так однажды благодарит в письме за новые сведения из области астрономии: «Еще приношу вам благодарность мою за присланную выписочку о небесных планетах, т. е. о расстоянии их от Земли и о их величине. Например, расстояние солнца от Земли 144 миллиона верст, о чем до сих пор я вовсе не

знал. ...я наиболее удивляюсь непостижимому умом человеческим пространству тверди небесной. Истинно дивен Бог, ибо небеса поведают славу Его, творение же руку Его возвещает твердь».

Как ни старался смиренный старец скрыть свои дарования, почитание его всё более распространялось. Уже после его кончины монастырский послушник, бывший духовным чадом отца Антония, рассказал: «8 ноября 1862 года, на память святого архистратига Михаила, перед самою утренею слышал я во сне неизвестно чей голос, говоривший мне: „Старец твой отец Антоний человек святой жизни и великий старец Божий“. Вслед за тем раздался звонок будильщика, и потому все слова таинственного голоса ясно напечатлелись в моей памяти. Размышляя о слышанном, пошел я к утрене. Не доходя до корпуса, где жил старец и мимо которого надобно мне было идти, вижу: над молитвенною его келлиею, неизвестно откуда, явилось светлое, белое, огненное облако... тихо и медленно поднималось оно от самой крыши, шло кверху и скрылось в небесном пространстве воздуха. Явление это меня поразило; и потому, пришедши от утрени, я пожелал записать о сем себе для памяти.

Объявить же о сем видении старцу не осмелился».

В 1863 году отцу Антонию пришлось пережить тяжелое событие — кончину любимого старшего брата. Вспоминают, что старец не мог говорить об этом без слез: «Он постоянно ощущал около себя его присутствие и близость, — писал отец Климент (Зедергольм). — Души их таинственно беседовали между собою и почти не проходило дня, чтобы почивший во сне не являлся отцу Антонию... Отец архимандрит и с того света духовно утешал и подкреплял брата и подавал ему свое решение в некоторых недоуменных случаях, касавшихся как его самого, так и других».

Кончина праведника

Кончина брата подорвала силы отца Антония, его обычное болезненное состояние ухудшилось. 9 марта 1865 года он был пострижен в схиму. С этой поры старец еще более уединился, чувствуя, что исход его из этой жизни уже недалек. Он прекратил прием мирских лиц, а братию стал принимать реже и на краткое время: «Видевшие его в это время никогда не забудут, как благолепен был вид старца, успокоившегося в безмолвном уединении от бесед, которыми давно тяготился. От

всегдашнего пребывания в молитве и преизобилия духовного утешения, самое лицо его просветлело и сияло высокою радостью».

Своей кончины старец ожидал с миром в душе и даже радостью, в эти дни он признался старцу Илариону: «Не искушение ли это со мною? Другие перед смертью имеют страхования и боязнь, а я — грешный человек, но страха не имею, нисколько не боюсь, напротив, ощущаю какую-то радость и спокойствие, и ожидаю исхода своего как великого праздника». В это время отец Антоний видел во сне покойного архимандрита Моисея, который укреплял его для перенесения предсмертных страданий.

За 17 дней до кончины отец Антоний соборовался и затем ежедневно причащался святых Христовых Таин. Часто просил он кропить себя святой богоявленской водой. «О как нужно это кропление! — восклицал он. — Какая в нем благодать Божия!» Когда его страдания становились сильнее, духовные чада читали молитвы из составленного им в 1863 году рукописного сборника, где была и молитва о тяжело болящем и умирающем духовном отце, — и ему становилось легче.

Скончался старец 7/20 августа 1865 года. Погребение было совершено 10 августа при

огромном стечении народа. Оптинская братия и множество приехавших иноков и инокинь, а также мирян простились со старцем Антонием, смиренным мудрецом и великим подвижником духа. Старец Амвросий сказал: «За счастье мы должны счесть, что жили при таких великих старцах, каковы были отец архимандрит Моисей, брат его отец игумен Антоний и старец отец Макарий». Последнее место упокоения старец обрел рядом с любимым братом, в Казанском соборе.

Игумен Антоний (Бочков), получив известие о кончине старца Антония, писал в Оптину: «Отец Антоний был истинный сын матери нашей — Православной Церкви, строгий исполнитель всех ее заповедей и даже советов, глубокий знаток и хранитель ее уставов и преданий. Он всею жизнью доказал, что монашество возможно и в наше время, и что заповеди Христовы тяжки не суть... Отец Антоний был истинный бескровный мученик послушания. Повинуясь старшему брату — старцу и настоятелю — во всем, уничтожая себя и свою личность, будучи токмо исполнителем приказаний отца-брата, он однако же невольно блистал и сам собою Богом данными и усугубленными талантами».

Старцы Моисей и Антоний, будучи родными братьями, стали примером истинного духовного родства во Христе. Воглавляя один — обитель, а другой — монастырский скит, они положили начало старчеству, которое образовалось их попечением, но, главное, своей жизнью они дали образец отношений ученика и старца, мудрого руководства и смиренного послушания. Потому и могло при них укрепиться и расцвести старчество, что сами они понимали истинную глубину и высокий смысл этого древнего христианского установления.